

Министерство культуры Российской Федерации
Правительство Вологодской области
Институт археологии Российской академии наук

**СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Вологда – Кириллов – Белозерск
6–8 июня 2012 г.

K1447755

Вологда
«Древности Севера»
2012

По следам чуди заволочской (средневековые древности Тотемского края)

В 2009 году исполнилось 60 лет со дня рождения вологодского археолога Н. В. Гуслистова. В истории вологодской археологии его имя связано с началом целенаправленных масштабных археологических исследований на региональном уровне, с зарождением вологодской археологической школы. Данная статья посвящена проблемам и результатам современных исследований по одной из тем, разрабатывавшихся Николаем Васильевичем.

Основной сферой научных интересов Н. В. Гуслистова была проблематика чуди заволочской. Чудь заволочская – население северо-восточной части Древней Руси, впервые упоминаемое в XII в. в Повести временных лет среди неславянских народов. Подробная историография вопроса рассматривалась нами ранее (Иванищева, 1995; 1996).

«Изучение упоминаемой летописями чуди заволочской заметно отстало от изучения соседей – предков коми-зырян и мари, мери, веси и карел. Ответы на важнейшие вопросы социально-экономической и этнической истории дославянского населения Русского Севера могут быть получены только при комплексном анализе письменных, лингвистических и этнографических источников с опорой на материалы археологии». Так были сформулированы задачи исследований по проблеме чуди заволочской Николаем Васильевичем Гуслистовым в 1979 году. По его данным, в бассейнах рек Сухоны и Ваги с 1869 по 1977 г. было выявлено свыше 20 памятников и местонахождений с вещами финно-угорского характера (Гуслистов, 1979).

В ходе целенаправленных поисков памятников этого загадочного населения Н. В. Гуслистовым были осмотрены средневековые городки в бассейнах р. Юг и р. Сухоны (Никитин, Гуслистов, 1976; Гуслистов, 1977), произведены раскопки городища Чудин вал на р. Сямжене (Гуслистов, 1978), проверены данные Н. А. Черницына о могильниках и местонахождениях финно-угорских древностей на р. Сухоне и р. Кокшеньге (Черницын, 1966; Гуслистов, 1980). В ходе работ Гуслистова 1977–1979 гг. обследованы шурфами и осмотрены места возможного расположения могильников: Круглецкого, Старототемского, Пустошинского, Большеноренгского, Кудринского (Тотемский район); Новгородовского, Ульяновского и Долговицкого (Тарногский район). Ко времени обследования большин-

ство из них уже оказались уничтожены. Небольшим раскопом на Старототемском городище было частично исследовано кладбище XV–XVI вв. (Гончарова, 1995). Лишь на р. Сондуге в верховьях Важского бассейна были собраны полноценные материалы – локализован Марьинский могильник, исследовавшийся в 1920-е гг. Н.А.Черницыным (рис. 1). В 1979 г. Н.В.Гуслистовым предприняты широкомасштабные работы по исследованию Марьинского и

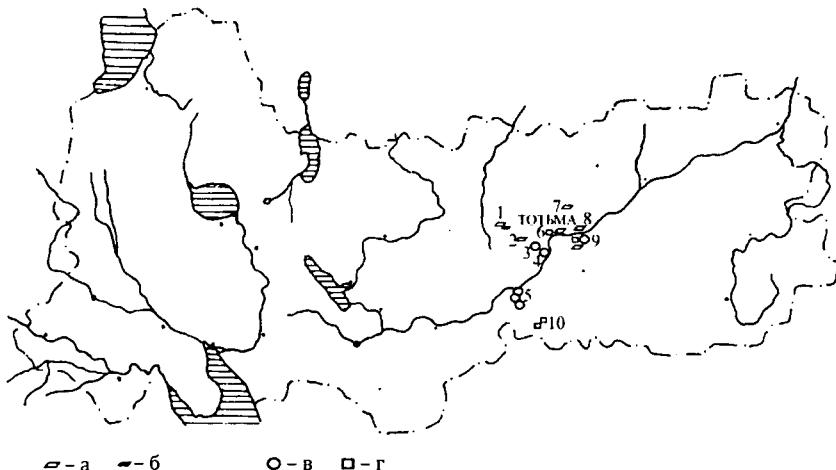

Рис. 1. Средневековые памятники Тотемского района на карте-схеме Вологодской области:

a – обследованные Н. В. Гуслистовым;
б – выявленные (могильники);
в – поселения, селища;
г – городища.

- 1 – могильники Марьинский и Семёновский на р. Сондуге, XIII–XIV вв.;
- 2 – могильник Кудринский на р. Вожболе, XIII в.;
- 3 – поселение Царева 1 (Задняя), XI–XII вв.;
- 4 – поселение Усть-Царевская II (Левобережная), V–VIII вв.;
- 5 – селище Красное IV (Красное) на Толшме, первая половина I тыс. н. э., VI–VIII вв., начало II тыс. н. э.;
 селище Красное IIа, Средневековье;
- 6 – городище Тотемское, XVI в.;
 могильник Круглецкий (не обнаружен);
- 7 – могильник Пустошинский, XII–XIII вв. (разрушен);
- 8 – могильник Большеноренгский (разрушен);
- 9 – городище Старототемское, XIV–XVI вв.;
 поселение Старототемское, XII–XIII вв.;
- 10 – городище Успенское (Верхне-Толшемское), XVI–XVII вв.;
 городище Боярское, начало XVII в.

открытого в том же году Семёновского могильников (Гуслистов, 1980). Полученные материалы позволили уточнить датировку памятников, был собран многочисленный вещевой инвентарь.

Обобщить накопленный материал Николай Васильевич не успел. Из работ, посвящённых теме чуди заволочской, опубликованы лишь его доклад на конференции в г. Кирове в 1978 г. и тезисы доклада на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов в Сыктывкаре в 1979 г. по результатам работ на Марьинском могильнике (Гуслистов, 1979). Уже после смерти Николая Васильевича его женой и учениками опубликованы результаты исследований 1978–1979 гг. (Гуслистов, 1995).

Археологические материалы, полученные Николаем Васильевичем, до сих пор привлекаются исследователями для решения вопросов, связанных с характером и временем древнерусской колонизации Русского Севера. Однако единого мнения по проблемам, связанным с чудью заволочской, у исследователей нет и сегодня. Практически единым является представление о локализации Заволочья к востоку от озёр Белого и Онежского в левобережье Северодвинского бассейна. Предполагается, что по р. Северной Двине проходило пограничье с территорией обитания населения, именуемого летописями как пермь, а западнее, на территории Белозерья, обитала летописная весь. Оценка археологических материалов и этническая атрибуция чуди заволочской также неоднозначна.

Николай Васильевич, так же как и Н. А. Черницын, полагал, что исследованные могильники оставлены местным финно-угорским населением, подвергшимся влиянию древнерусской колонизации. Он отмечал близость выявленных материалов памятникам лузской пермцы, подчёркивая, что на водоразделах слияние местного финно-угорского и славянского населения произошло на 2–3 столетия позднее, чем по крупным путям сообщения, какими являлись реки Сухона и Вага (Гуслистов, 1979).

Другая точка зрения на чудские древности Заволочья в целом высказана Н. А. Макаровым. В 1980-е гг., занимаясь проблемами древнерусской колонизации Русского Севера, Николай Андреевич продолжил поиски средневековых памятников, в том числе в бассейнах Сухоны, Ваги и Северной Двины. В пределах Тотемского района им проведена шурфовка поселения в устье реки Царевы, где в ходе раскопок 1920-х гг. Н. А. Черницыным были обнаружены материалы второй половины I тыс. н. э. Шурфовкой в районе Старототемского городища Н. А. Макаровым выявлено поселение с лепной и гончарной керамикой. Однако яркого самобытного материала не было обнаружено, что привело исследователя к определённым выводам. К особенностям материальной культуры населения середины – третьей четверти I тыс. н. э. Юго-Восточного

Прионежья Н.А. Макаров отнёс своеобразие керамики, имеющей аналогии в прибалтийско-финских древностях, в силу чего утвердилась точка зрения о значительном прибалтийско-финском компоненте в материальной культуре населения среднего Посухонья этого времени (Макаров, 1986). Однако большинство из добытых Черницыным металлических вещей (в числе которых часть бантовидной накладки из бронзы, серебряная фибула с эмалями, железные нож и бронзолитейный инструмент) находят аналогии в дьяковских древностях и древностях веси, поволжско-финском в своей основе этносе, что убедительно демонстрируют исследования А.Н. Башенькина в Юго-Западном Белозерье. В пределах южной части исторического Заволочья долгое время не были известны памятники раннего Средневековья, что послужило основанием для представлений о слабой заселённости этих территорий до славяно-русской колонизации (Макаров, 1993, с. 102–104).

По мнению Н.А. Макарова, этноним «чудь заволочская» является собирательным, относящимся к различным группам финно-угорского населения, обитавшего на обширной территории Заволочья. Все памятники, связываемые с чудью заволочской, относятся к периоду активной колонизации Севера древнерусским населением. В составе колонистов, устремившихся в Заволочье с промыслово-охотниччьими целями, были и белозерская весь, и выходцы из Приладожья, и меря Верхнего Поволжья, а также другие группы населения, принёсшие разнородные финно-угорские элементы культуры в Заволочье, что отразилось в материалах известных могильников. Местное же население было малочисленным и быстро смешалось с пришельцами, восприняв их культуру (Макаров, 1993, с. 101–104). Данное мнение отразило, прежде всего, слабость источниковой базы: малочисленность памятников, достаточно узкий хронологический диапазон и односторонность имевшихся до начала 1990-х гг. материалов. Не были известны поселенческие комплексы.

В 1991 г. в ходе археологических разведок по обследованию территории Тотемского района нами открыто, а в 1993–1994 гг. раскопано широкой площадью поселение Царева 1 (Задняя) (Иваницева, 1996). Оно расположено в 12 км выше устья р. Царевы на её левом берегу в 6,5 км к юго-западу от д. Задняя. В ходе раскопок выявлены остатки небольшого поселения площадью около 2000 кв. м, возникшего на месте предшествовавшего ему поселения раннего железного века, с которым связаны находки двушипного наконечника стрелы и миниатюрного сосуда с «ушками», аналогии которому известны в гляденовских древностях. С культурным слоем средневекового поселения связано несколько объектов. В их числе две постройки срубной конструкции: одна

жилая, другая жилищно-производственная. Пол построек слегка заглублён в материк, обе обогревались печами-каменками. Размеры одной, полностью исследованной, – 4×4 м. Выявлены также очаги в корытообразных ямах, являвшиеся, по-видимому, обогревательными устройствами для другого типа построек.

Инвентарь поселения характеризуется наличием как вещей, традиционно связываемых с финно-угорским миром, так и изделий общеевропейских типов. Финно-угорский характер поселения не вызывает сомнения по находкам специфических бронзовых украшений (привески-лапки и спиралевидного украшения на шерстяном шнуре) (рис. 2: 10, 11), лепной керамики, глиняного пряслица с орнаментом, аналогичным орнаментации керамики на этом поселении (рис. 2: 14). Из хозяйственно-бытового инвентаря представлены оселки (рис. 2: 15–18), каменное рыболовное грузило (рис. 2: 19), нож и обломки ножей, выполненных в технике трёхслойного пакета (определение Розановой) (рис. 2: 6, 8, 9). Производственный инвентарь включает фрагмент лячек и тигелёк-игрушку (рис. 2: 12, 13), промысловый – ромбовидные наконечники стрел (рис. 2: 1–4).

По углю из очагов получены радиоуглеродные даты: 850 ± 40 (ГИН 8048) и 880 ± 40 (ГИН 8047). Это позволяет определить время функционирования поселения XI – началом XII в., что не противоречит датировке по инвентарю.

В материальной культуре населения в большей степени прослеживаются восточнофинские черты, которые можно определить как смешанные. Они проявляются в особенностях домостроительства и традиции изготовления керамики. Особенности домостроительства (такие как сооружение хозяйственных и околоочажных ям в пределах постройки, наличие глубоких ям-хранилищ) связывают данный комплекс с материалами верхнего Прикамья. Сооружение очагов в глубоких корытообразных ямах, близких по традиции мерянским каменным очагам, является, по-видимому, особенностью материальной культуры местного населения. Аналогии этим сооружениям ограничиваются территорией юго-западного Белозерья и бассейном р. Шексны.

В изготовлении лепной керамики также прослеживается сочетание поволжско-финских и пермско-финских традиций. Первые выразились в преобладании плоскодонной посуды. Традиции Прикамского региона отразились в орнаментации сосудов специфическими узорами из сочетаний гребенчатого штампа и линейной верёвочки, трилистника, характерных для населения Камско-Вычегодской области. В целом в населниках Царевского поселения можно видеть финно-угорское население, сложившееся в своеобразной контактной зоне Посухонья, в материальной

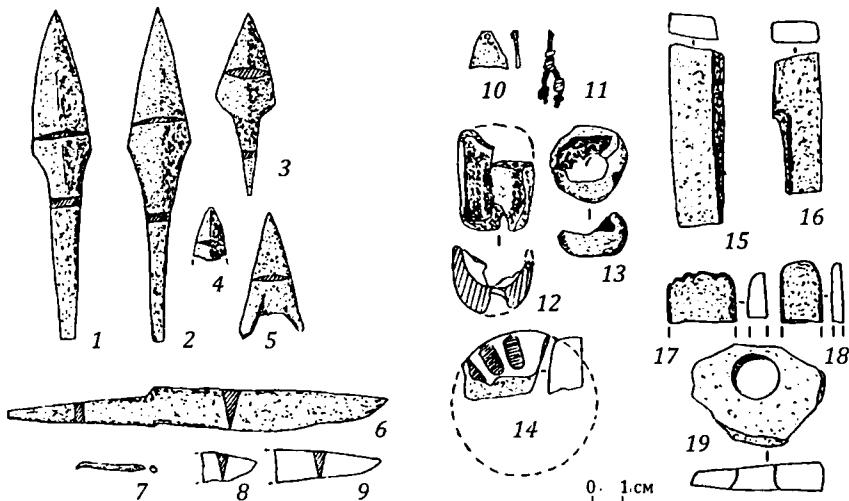

Рис. 2. Найдки с поселения Царева 1 (Задняя):

1–5 – наконечники стрел; 6, 8, 9 – ножи; 7 – игла от пряжки; 10 – привеска-лапка; 11 – спиралевидное украшение на шерстяном шнуре; 12 – фрагмент тигля; 13 – фрагмент игрушки-тигелька; 14 – фрагмент пряслица; 15–18 – фрагменты оселков; 19 – грузило. 1–9 – железо; 10, 11 – бронза; 12–14 – глина; 15–19 – камень

культуре которого наиболее ярко проступают восточнофинские черты. По крайней мере, прямые аналогии конструкции печи-каменки с глубокой предпечной ямой, имеющиеся в материалах позднего горизонта городища Попово на Унже, позволяют провести исторические параллели с процессами становления одной из группировок мери Верхнего Поволжья (Леонтьев, 1989). Наличие в инвентаре Царевского поселения ножей, выполненных в технике трёхслойного пакета, ещё раз свидетельствует о включении территории Посухонья в зону древнерусской колонизации уже в XI–XII вв. Наиболее вероятно распространение этого влияния с запада, через верховья Сухоны, с территории вези.

В последнее время в Посухонье на территории Тотемского района начаты исследования памятников позднего железного века или раннего Средневековья, связанных с пермско-финской группой населения. В 2002 г. Л. С. Андриановой на левом берегу р. Толшмы в 2,5 км от её устья открыто селище Красное IV (Санное). В 2006, 2008–2009 гг. нами проведены раскопки, в ходе которых исследовано около трети сохранившейся площади памятника (112 кв. м). На поселении выявлены очаги, костища, хозяйствственные ямы, производственная площадка, связанная с металлообра-

боткой, и погребение по способу сожжения на стороне с последующим помещением останков кремации и поминального кострища в яму (Иванищева, 2012). Свидетельством местной обработки чёрного и цветного металла служат находки железных окалин, фрагментов рюмообразных тиглей, полуяйцевидных льячек и литейной формы, а также продукты ремесленного производства. Железные изделия местного производства представлены ножом в костяной рукояти, шилом округлого сечения. Промысловый инвентарь включает наконечники стрел – костяной и железный ромбовидной формы с линзовидным сечением. В остеологическом материале селища присутствуют кости лося. На площадке обнаружены фрагменты оплавленных бронзовых украшений. В их числе бляшки, пронизь и, возможно, фрагмент круглой бляхи. Встречены оплавленные стеклянные бусы. Часть хозяйствственно-бытовых предметов представлена изделиями из камня – точильными камнями и оселками, а также кремнёвыми скребками, использование которых зафиксировано у финно-пермских народов вплоть до Средневековья.

Керамический материал представлен фрагментами не менее чем 70 сосудов. По форме это в основном широкогорлые чаши закрытой, реже открытой формы. Половина сосудов имела намеченную шейку, одутловатые стенки и округлое или уплощённое дно. Есть экземпляры чашевидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Толщина стенок сосудов – 0,3–0,8 см. Основная примесь к глиняному тесту – дресва, есть единичные сосуды с примесью слюды и органики. Венчики прямые, овальные, редко грибовидные симметричные или внешне- и внутреннеасимметричные. Более двух третей сосудов имели орнамент в верхней части из ямочных, зубчатых, зубчато-ямочных, зубчато-шнуровых и нарезных узоров (рис. 3). Поверхность неорнаментированных сосудов, так же как и у части с декором, несёт следы грубой штриховки и заливания.

Поиски аналогий выявленным объектам уводят нас на Европейский Северо-Восток, к древностям ванвиздинской культуры, в которой исследователи видят предшественников летописной перми вычегодской, отождествляемой с носителями более поздней вымской археологической культуры. В соответствии с современными представлениями о периодизации ванвиздинской культуры (Королёв, Мурыгин, Савельева, 1997, с. 442), селище Красное IV (Санное) может быть датировано в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Начало функционирования селища в середине I тыс. н.э. маркирует керамика переходного шойнатыйского типа (рис. 3) (группы V, частично I, II). Представительна керамика, со-поставимая с ранним кузьвомынским этапом культуры VI–VII вв.

		КОЛ-ВО сосудов
Группа I		18
Группа II		11
Группа IIIа		21
Группа IIIб		11
Группа IV		11
Группа V		7
Группа VI		2
		всего 70

Группы I-без орнамента, II-с ямочным , III- с гребенчатым, IV- с зубчато-ямочным, V -с зубчато-шнуровым, VI-с резным орнаментом

Рис. 3. Селище Красное IV (Санное). Керамика. Орнаментальные группы керамики

(группы III а; III б: 1–7; IV: 1–6). Заключительный этап функционирования селища отмечен керамикой, сопоставимой с древностями Северной Двины VIII–IX вв., а также с керамикой заключительного лозымского этапа ванвиздинской культуры (группы I а: 7, 14; II: 2, 3, 9; III б: 8–10; IV: 7–10), и может быть датирован в рамках VIII–IX вв. По-видимому, к этому же времени относятся сосуды с на меченной короткой шейкой и ямочной орнаментацией группы II. Учитывая датировку вещей и керамики, а также стратиграфию памятника и характер выявленных объектов, можно выделить два этапа функционирования селища: ранний – в рамках VI–VII вв., и поздний – в пределах VIII–IX вв.

Керамика селища Красное IV (Санное) имеет ближайшие аналогии в материалах западно-ванвиздинских керамических комплексов бассейна Средней Вычегды и р. Мезени (Чеснокова, 1983). От северо-восточных комплексов её отличает малое количество со судов, орнаментированных шнуровыми отпечатками, и значительное число посуды с ямочной орнаментацией или без орнамента.

Полученный материал позволяет судить о хозяйственных занятиях и быте населения, оставившего селище Красное IV (Санное). Наличие костищ с мощным слоем и очага, предположительно функционировавшего в жилище, указывает на относительно долговременный характер обитания населения на селище или неоднократное возобновление его функционирования. Наличие промыслового вооружения свидетельствует о традиционных способах добычи пищи. О занятиях рыболовством свидетельствует находка рыболовного глиняного грузила (Андреанова, 2002). Охота на лесных животных, кости которых представлены в материалах раскопок, удовлетворяла потребности населения в мясной пище и шкурах, использовавшихся для изготовления одежды. Для обработки шкур использовались кремневые скребки, основное же количество хозяйствственно-бытовых и промысловых орудий изготавливалось из железа. Следы местной металлургии и металлообработки представлены обломками тиглей и частью литейной формы. Сосредоточение этого инструментария в костищах и на площадке рядом с ними, возможно, указывает на существование каких-либо специальных сооружений производственного характера. Наличие в инвентаре привозных изделий (в частности, стеклянных бус) свидетельствует об обмене с соседними племенами.

Важным для этнической и хронологической атрибуции полученных материалов является выявленное на селище Красное IV (Санное) погребение. Ближайшие аналогии могут быть указаны в могильнике Шойнаты 1 VII–VIII вв., когда у населения средней Вычегды существовали обряды ингумации и кремации (Королёв,

1997, с. 112–119; 132). В Шойнаты 1 выявлено 10 погребений, 4 из которых совершены по способу кремации на стороне с засыпкой в яму останков погребённого и остатков кострища. Ямы овальной и подпрямоугольной формы в этом могильнике имели засыпку углисто-золистым слоем, вещи находились неупорядоченно в засыпи ям, там же обнаружена фрагментированная керамика. Наличие на селище Красное IV (Санное) побывавших в огне украшений, кальцинированных косточек и фрагментированной керамики в могильной яме укрепляют в мысли о подобном обряде погребения у толшемских поселенцев.

Вопрос о генезисе памятников финско-permского населения на средней Сухоне остаётся открытым в силу почти полного отсутствия данных о предшествующем периоде раннего железного века. По той же причине весьма актуальным является открытие и изучение пласта памятников раннего Средневековья, поскольку с ним напрямую связано решение вопроса об исторической чуди заволочской и её возможных местных компонентах.

В целом можно сказать, что исследования поселений Царева I (Задняя) и Красное IV (Санное) значительно расширили наши представления о культурно-исторических процессах, происходивших на территории края в середине I – начале II тыс. н.э.

Поиски чуди заволочской продолжаются.

Источники и литература

Андрianова Л.С., 2002. Отчёт о работе Сухонско-Кубенской экспедиции в Харовском районе (раскопки многослойного поселения Боровиково, мезолитических стоянок Маштуиха I, II) и разведках в Тотемском и Харовском районах Вологодской области // Архив Института археологии РАН. Р-1.

Гончарова Н.Н., 1995. Новые антропологические материалы к вопросу о колонизации Русского Севера // Послужить Северу: историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда. С. 15–26.

Гуслистов Н.В., 1977. Вологодская экспедиция // Археологические открытия 1976 года. М. С. 12–13.

Гуслистов Н.В., 1978. Вологодская экспедиция // Археологические открытия 1977 года. М. С. 13–14.

Гуслистов Н.В., 1979. Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар. Ч. II. С. 66.

Гуслистов Н.В., 1980. Раскопки и разведка в Вологодской области // Археологические открытия 1979 года. М. С. 7.

Гуслистов Н.В., 1995. Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района // Послужить Северу. Вологда. С. 48–74.

Иванищева М.В., 1995. Древности Тотемского края // Тотьма:

- историко-литературный альманах. Вологда. Вып. 1. С. 19–34.
- Иванищева М. В., 1996. Поселение Царева I в южном Заволочье // Известия ВОИСК. Вологда. Вып. V. С. 29–40.
- Иванищева М. В. 2012. Предки коми на Средней Сухоне // Археология Севера. Материалы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева 25–26 февраля 2010 г. в г. Череповце. Череповец. С. 33–53.
- Королёв К. С., 1997. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург.
- Королёв К. С., Мурыгин А. М., Савельева Э. А., 1997. Ванвиздинская культура (VI–X вв. н. э.) // Археология Республики Коми. М. С. 400–443.
- Леонтьев А. Е., 1989. Поповское городище // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М. С. 20–21.
- Макаров Н. А., 1986. О некоторых комплексах середины – третьей четверти I тыс. н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // Краткие сообщения Института археологии. М. Вып. 183. С. 23–32.
- Макаров Н. А., 1993. Русский Север. Таинственное средневековье. М.
- Никитин А. В., Гуслистов Н. В., 1976. Вологодская экспедиция // Археологические открытия 1975 года. М. С. 13–14.
- Черницын Н. А., 1966. Угро-финские могильники на территории Вологодской области // Советская археология. № 4. С. 196–201.
- Чеснокова Н. Н., 1983. Ванвиздинская археологическая культура: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ленинград.